

П ЭПИДЕМИЯ

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

ТРУС НЕ ИГРАЕТ
В ХОККЕЙ
СЕРГЕЙ ВОЛКОВ

Сергей Юрьевич Волков
Трус не играет в хоккей...
Серия «Постэпидемия»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=52682654

Аннотация

Мир далекого завтра, окраина Солнечной системы, спутник Нептуна Тритон, научная станция – и семь полумертвых тел в капсулах «отсека А». Иногда призраки прошлого возвращаются, и их дыхание все так же смертельно...

Содержание

Сергей Волков

Трус не играет в хоккей...

Первое, что увидела Валентина, войдя в шлюзовой тамбур, была надпись, выполненная ярко-синей флуоресцентной краской: «В случае нештатной ситуации сохраняйте спокойствие и улыбайтесь. Помните – первыми коченеют именно мимические мышцы».

«Ну и юморочек у здешних обитателей, – подумала Валентина. – Откровенно чёрный. Как дыра».

– Не двигайтесь! – внезапно донеслось из динамика внешней связи. Валентина вздрогнула, и в тот же самый момент наступила невесомость. Валентина повисла в тамбуре, нелепо дёргая руками и ногами.

– Не пугайтесь! – посоветовал из динамика всё тот же голос. – Это просто невесомость. Временная.

Валентина совершенно не понимала, что происходит. Тут в тамбур, величественно переливаясь, всплыл чуть сплюснутый пузырь. На глаз в нём было никак не менее ста пятидесяти литров воды.

Валентина представила, как пузырь подлетает к ней, вишащей над полом, как она задерживает дыхание, как беспомощно машет руками, чтобы отогнать от себя переливающуюся водяную смерть...

И как погружается в пузырь, некрасиво пучит глаза внут-

ри колышущейся массы, как не выдерживает, вдыхает, и...

– Замерьте! – голос вновь перешёл на крик. – Не двигайтесь! Этот – последний. Сейчас я его откачаю...

Валентине не нужно было повторять дважды. Она покорно замерла, глядя на пузырь. А вот пузырь приказам не подчинялся и продолжил движение. Через пару секунд он приблизился к Валентине и обволок её, словно амёба – бактерию, скрыв от глаз ту самую надпись: «В случае нештатной ситуации сохраняйте спокойствие...»

Вода была холодная и мокрая. Валентина зажала нос пальцами. В голове броуновской частицей билась одна-единственная идиотская мысль: «Главное – в конце не забыть улыбнуться».

В ушах у Валентины шумело, грудь жгло. Не выдержав, она вдохнула. Бронхи и лёгкие заполнились водой, Валентина забилась в агонии. «Улыбнуться», – сверкнуло в голове. Она всё ещё не верила, что так нелепо и глупо погибает в шлюзовом тамбуре СМС-14, Строительно-Монтажной Станции № 14 гравитотрассы «Луна-Плутон».

Что-то громко взвыло над ухом Валентины, а потом появилась гравитация, она рухнула на пол вместе с водой и отключилась...

* * *

Первое, что увидела Валентина, придя в себя – неесте-

ственно улыбающееся лицо, плавающее в какой-то кисельной мути. «Хумас, – поняла она. – О! Я мыслю. Значит, я...» – ...приветствовать на нашей станции. Ещё раз примите самые искренние извинения. Случившийся инцидент связан исключительно с поломкой выпускного вентиля насосной системы водоснабжения станции, произошедшей в результате...

«Точно – хумас. Нормальный человек так нудеть не станет, особенно над телом... над незнакомой девушкой», – Валентина попробовала пошевелиться, и ей это с успехом удалось. Ничего не болело, только слегка подкруживалась голова, да саднило где-то в носу. Впрочем, это было неудивительно – туда уходила гибкая дыхательная трубка.

– Привет, – гнусаво сказала Валентина. Она всегда несколько терялась, общаясь с хумасами.

– Я с удовольствием поздороваюсь с вами ещё раз, – сказал хумас. – Здравствуйте, Валентина Петровна! Мы ждали вас с нетерпением!

– Кто это – мы? – Валентина огляделась. Её поместили в медицинский отсек, и куча посверкивающих умными огоньками всевозможных приборов занималась её здоровьем.

– Мы – это персонал станции, – улыбка на лице-экране хумаса стала ещё шире. – Позвольте вам представить лучших представителей человечества в этом секторе Солсиса...

Он, повизгивая сервомоторами, отъехал на несколько ша-

гов от медицинской клинии¹, на которой лежала Валентина, и вывел на лице-экране изображение бородатого мужчины лет тридцати.

– Добрый день, Валентина, – заговорил бородач с приятной улыбкой. – Меня зовут Виктор Иванович Панкратов. Я начальствую над всеми этими оболтусами. Располагайтесь, почувствуйте себя как дома.

Валентина усмехнулась – ничего себе «как дома»!

Хумас тем временем вывел на экран изображение сразу нескольких человек, все они по очереди представились. Тут были братья-близнецы геологи Олег и Игорь, плането-физик Август Хоел, бородатый гляциолог Дмитрий Сычѳв, бледный астрофизик со странным именем Гонестий, и некто Егоров.

– Ребята зовут меня Фаргус. Ну, такое прозвище. Я занимаюсь компами. И всякими железками. Добрый день, – сказал он, и на этом презентация закончилась.

– А почему в записи? – спросила Валентина у хумаса. – Где все... – она чуть не сказала «ребята», но поправилась, – где все эти люди?

– Запись подготовлена на тот случай, если вы прибудете на станцию в момент выхода персонала на маршруты.

– А, так они все ушли!

– Неверный вывод, полученный в результате недостатка информации, – сказал хумас.

¹ Здесь: ложе (греч.)

– То есть?

– В настоящий момент, – хумас вернул дежурную улыбку на лицо – экран, – персонал станции находится в «Отсеке А» на полной гибернации.

«Отсек А» – это «капсула жизни» на любой станции, – вспомнила Валентина. – В случае попадания метеорита или другой катастрофической ситуации персонал может укрыться там и автономно просуществовать длительное время – в «отсеке А» собственная система жизнеобеспечения и свой реактор. Валентине сразу сделалось тоскливо и даже страшно.

– Почему... То есть я хотела спросить: с какой целью персонал погрузился в спячку... Ну, в гибернацию?

– По причине обнаружения «Объекта 19-11», – непонятно, но бодро отчеканил хумас.

Валентина вздохнула – с хумасами вечно какие-то непонятки! – поморщилась от неприятного ощущения трубки в носу и спросила:

– Вы меня покормите?

– По медицинским показателям, вам не желательно принимать пищу в течение трёх с половиной часов, – лучезарная улыбка хумаса стала ещё шире.

– Послушай, дружок, – Валентина опять вздохнула. – Я хочу есть. Это главный показатель. А ты – машина. Ты не имеешь права спорить с человеком.

– Обращайтесь ко мне Вася Петрович, – проквакал ху-

мас. – Я понял вашу сентенцию и готов с нею согласиться с рядом оговорок.

– Что?! «Готов согласиться»?! – Валентина от неожиданности села. Медицинские приборы отозвались на это возмущённым писком. – Ты откуда такой... взялся?

– По техпаспорту я, – с достоинством произнёс хумас, чуть отъехав от стены и совершая нечто вроде полукниженка, – «humanoid assistant» серии ВП-12М, неформальное имя – Вася Петрович. Меня перепрограммировал и наделил толикой критического мышления сам гуру Пётр Алексеевич Егоров, великий и ужасный. Как вы уже слышали, его неформальное имя – Фаргус.

– Но зачем он это сделал? – удивилась Валентина.

– Во славу Великого Космоса, конечно, – важно ответил хумас.

* * *

Космос Валентина с некоторых пор не любила. Можно даже сказать, ненавидела. Нет, к космосу как к физическому явлению она относилась нормально. А вот Космос как некая территория, за освоение которой земляне взялись всерьёз, дальние «выселки» и ближние уголки Солнечной системы, всё, что теперь запросто именовалась Солсисом – вот этот Космос практически сломал Валентине жизнь. По крайней мере, на данном этапе.

Ректор Колыванов так и сказал, виновато пожимая ей руку на прощание:

– Если бы не Космос...

А дело было так: Валентина после того, как ушла из медицины, долго над выбором профессии не размышляла – «Бауманка», факультет «Гравитационные технологии», в просторечии «Гравицапа». Она быстро, по «менто-ускорёнке», прошла основную программу и собралась в аспирантуру. Мест было мало, но у неё не возникало и тени сомнения – её, отличницу и спортсменку – примут. И вдруг громом среди ясного неба прозвучало: «Согласно директиве Министерства образования от 7.04.2074 преимущественное право при поступлении в аспирантуру высших учебных заведений технического и прикладного научного профиля имеют лица, обладающие производственным стажем работы на объектах, находящихся за пределами земной атмосферы». То есть в Космосе.

И таковых лиц на момент её поступления оказалось ровно столько, сколько было мест в аспирантуре. И Валентина, что называется – «пролетела», а ректор Колыванов, сам гравитационщик, считавший её весьма перспективным учёным, вынужден был прятать глаза и обвинять во всём пресловутый Космос.

Впрочем, он дал Валентине ещё и совет – не ждать, а идти на производство, например, поработать грависиноптиком на «выселках»:

– Наберёте опыта, накопите стаж – и через годик-другой милости просим к нам. Так сказать, обратно, в родную «alma mater», да.

Валентина всхлипнула, сунула диплом-кард в сумочку и прямо из приёмной ректора отправилась в Управление по персоналу компании «Дальспецстрой Ltd».

И вот она здесь, на Тритоне, крупнейшем спутнике Нептуна, и должна каждые шесть часов выдавать прогноз по гравитационной обстановке для четырнадцатого участка гравитрассы «Луна-Плутон».

Правда, трассы ещё нет. И участка как такового тоже. И даже рабочее место у Валентины отсутствует. Ничего нет. А сама она, наглотавшись воды, лежит в медотсеке и разговаривает с хумасом, носящим дурацкое имя Вася Петрович, который несёт какой-то бред про «Отсек А» и персонал в губернии.

А главное – на СМС № 14 действительно не было ни одного человека! Валентина потребовала вывести на экран изображение с камер во всех помещениях, ну, кроме пресловутого «Отсека А», закрытого бронеплитой и опечатанного – ни души. Куда отправился персонал, все эти загадочные Гонестии и прочие близнецы и гуру программирования, Валентина не знала, а в историю с искусственным сном не особо верила.

На самом деле, всё это здорово напоминало предновогодний розыгрыш, и то, что хумас отказывался говорить об этом

подробно, только подтверждало догадки Валентины про намерения персонала подшутить над нею.

Ну, как обычно шутят над новичками. Всегда и везде. «Как выскочим, как выпрыгнем. Как заорём дурными головами: „Сюрприз!!!“, вот весело-то будет...»

Валентина почувствовала, как на глазах появились слезы, но быстро взяла себя в руки и поднялась с клинии.

– Уважаемая Валентина, вы небрежно – синонимы «халатно», «наплевательски», «спустя рукава» – относитесь к своему здоровью! – немедленно отреагировал хумас Вася Петрович. – Согласно рекомендациям Исина медицинского отсека, вы должны пребывать в горизонтальном положении – синоним «постельный режим» – ещё как минимум двадцать четыре земных часа.

– Да иди ты... – прошептала Валентина, вытащила из носа трубку, сунула её в утилизатор и вышла – почти выбежала, из пахнущего озоном и детством медотсека.

* * *

Отыскать на станции помещение, по традиции именуемое кают-компанией, не составило большого труда. Валентина села за стол. За толстенным керамитовым стеклом на облизавший горный склон ледник важно накатывал густо-синий, похожий на резиновый детский мяч, Нептун. Ледник был метановый, апельсинового цвета и переливался перламутро-

выми оттенками. Романтика «выселок» как она есть.

– Раз уж вы проявили решительность и добились своего, – с явственной обидой в голосе пробурчал Вася Петрович, вкатившись следом за Валентиной в кают-компанию, – то рекомендую вам ограничиться лёгким перекусом, синоним «второй завтрак», смотрите меню.

«Когда эти... вернутся... появятся... заставлю Фаргуса восстановить ему базовые настройки», – мстительно подумала Валентина, покосившись на хумаса. Ей было очень неудобно рядом со столь словоохотливым роботом.

Обед прошёл в тёплой и дружественной обстановке – Валентина ела бифштекс, винегрет и консервированную спаржу, Вася Петрович болтал. Постепенно Валентина втянулась в диалог и задала давно вертевшийся у неё на языке вопрос про воду и гравитацию – зачем всё это?

– С целью заливки катка в отсеке № 7, – ответил Вася Петрович.

Валентина от неожиданности едва не выронила чашку.

– Катка?! Не понимаю. Я правильно услышала? Каток – это...

– Ровная ледяная поверхность для катания на коньках или санках. В нашем случае – именно на коньках, – ровным голосом сообщил Вася Петрович. – Но это не вы, это я не понимаю. Эмоция «удивление». Вы должны были получить наш пресс-релиз. В нём подробно изложена вся информация о первом в истории человечества внеземельном хоккейном

матче, который состоится на нашей станции через трое земных суток, в канун земного Нового года. Я лично отправлял пресс-релиз в ваше информационное агентство. Правда, мы ожидали вас через двое суток...

– Та-ак! – Валентина поднялась из-за стола и подошла к застывшему у кофе-машины хумасу. – А ну-ка, милый друг, вот с этого момента – медленно, внятно, чётко – и о-о-очень подробно. Это приказ!

* * *

– То есть это не Строительно-монтажная станция № 14 гравитрассы «Луна-Плутон»?! – Валентина бегала по кают-компаниям от стены к стене и размахивала руками. Вася Петрович невозмутимо высился в углу, словно мебель. – То есть шаттл прилетел не туда? Да? Что ты молчишь?

– Я вам в третий раз повторяю, – скучным голосом ответил Вася Петрович. – Вы находитесь на базовой станции планетологической экспедиции Министерства освоения Солнечной системы «Тритон-5». И как я понял из вашего весьма малоинформативного, но очень эмоционального рассказа, вы – не корреспондент информационного агентства «Солсис-информ» Валентина Петровна Косаткина, а грависиноптик компании «Дальспецстрой Ltd» Валентина Петровна Касаткина. Это так?

– Да, да! – в сильном раздражении выкрикнула Валенти-

на. – Косатка – это кит-дубийца, такой большой и очень хищный дельфин! Злой и... в общем, по латыни он даже называется «огса», как орки у Толкиена, понял?

– Ни одного задокументированного случая нападения на человека в дикой природе не зафиксировано, – меланхолично вставил реплику Вася Петрович.

– Ну да, документировать было некому, – зло усмехнулась Валентина и продолжила: – А касатка – это такая милая птичка, ласточка, по-латыни называется, я с детства помню, «*Hirundo rustica*»... Они там, в Центральной диспетчерской, перепутали фамилии!

– Весьма возможно...

– Ладно, хватит лирики. Давай-ка, дружок, быстренько мне связь с центром. Меня на СМС № 14 люди ждут. И работа. После вашего дурдома прямо руки чешутся заняться чем-то позитивным и созидательным. Гравипрогнозами, например.

– Увы, – лицо-экран хумаса украсила скорбная гримаса. – А вот это невозможно. Из-за сильной ионизации атмосферы Тритона в результате возмущений магнитосферы Нептуна связь отсутствует во всех диапазонах. Предвосхищая ваш вопрос – окончание магнитной бури ожидается не ранее чем через семь суток, что соответствует земной неделе. Шаттл не может покинуть станцию раньше этого времени.

– Почему? – не поняла Валентина.

– Согласно «Инструкции по обеспечению безопасности

полётов в околопланетном пространстве спутников планет-гигантов», параграф шестьдесят семь, пункт девятнадцать, подпункт «б» – «в случае повышения ионизации атмосферы (если таковая имеется) до уровня, препятствующего прохождению радиоволн, категорически воспрещаются всяческие полёты как в околопланетном пространстве (высоты от 0 до 30 км), так и на суборбитальном уровне. Орбитальные полёты осуществляются строго в дублирующем режиме». Это цитата.

– Ну, чудесно, – грустно пробормотала Валентина и обречённо опустилась на диван у панорамного окна, за которым перламутрово светились льды. – Просто чудесно. А почему хоккейный матч?

– Таким образом персонал станции хочет отпраздновать столетнюю годовщину матча, состоявшегося 31 декабря 1975 года между командами клубов «Montreal Canadiens» и «ЦСКА» на планете Земля, – важно сказал Вася Петрович.

– Но зачем? – удивилась Валентина.

– Чтобы войти в историю, разумеется, – и хумас включил задорный детский смех.

* * *

Отвернувшись к окну, Валентина подышала на стекло и нарисовала на образовавшемся запотевшем пятнышке весёлую рожицу – раскосые глазки, улыбающийся рот. Но ско-

пившаяся в уголке нарисованного глаза влага ступила в каплю и устремилась вниз. Рожца сразу стала не весёлой, а плачущей. «Так, что мы имеем? – следя за извилистым путём капли по стеклу, спросила сама у себя Валентина. – Я попала не туда. Другая станция, магнитная буря, болтливый хумас, весь персонал... ну пусть будет в гeбeрнaции, хоккейный матч... Так, а с чего это они залегли в спячку? Чтобы не мешать Вася Петровичу готовить каток? Ну, да, скорее всего. Пока он тут включает и выключает гравитацию и перегоняет кубометры воды... Хотя нет, хумас что-то болтал про какой-то „Объект 19-11“».

– Вася... Петрович, – Валентина оторвала взгляд от капельки, зависшей на стекле у самого пола, и посмотрела на хумаса. – А что там было с этим «Объектом 19-11»?

– Во время изучения «Объекта 19-11» был обнаружен биологический модуль, – без всяких эмоций проговорил Вася Петрович. – После его доставки на станцию и вскрытия у персонала проявились симптомы некоей болезни...

– Что?! – Валентина вскочила, непроизвольно сжав кулаки. «Этого ещё не хватало, – пронеслось у неё в голове. – Инфекция на космической станции. Как в фантастическом кино... Чёрт, как же меня угораздило-то...» Ладони сразу сделались влажными, голова закружилась от выброса адреналина. – Что за симптомы? Быстро!

– Высокая температура, сухой кашель, затруднённое дыхание, боли в мышцах, диспепсические явления...

– В медотсек, бегом! – скомандовала Валентина и первой выбежала из кают-компания.

* * *

– И какой диагноз был поставлен персоналу? – спросила Валентина, отслеживая разноцветные кривые на экране.

– Вирусная инфекция верхних дыхательных путей, – ровным голосом ответил исин медотсека. – Атрибутирована с точностью до 99,999 % как коронавирусная инфекция COVID-19, вызываемая коронавирусом SARS – CoV-2. Вывожу на экран официальное заключение.

Валентина, ещё надеясь на ошибку, пробежала глазами по строчкам.

Нет, диагност не ошибся – да и не мог ошибиться.

Это был он. Ковид-19, он же «ковидло», «уханьский грипп», «коронка» – Валентина помнила, что всего у болезни было три десятка разных прозвищ на разных языках. Пятьдесят пять лет назад он возник, как казалось, из ниоткуда и разделил историю человечества на «до» и «после».

Вообще, по большому счёту, Валентина ушла из медицины именно из-за него, из-за проклятого «ковидла». Тяжело работать, когда у тебя за спиной все перешёптываются: «О, вон пошла, видите – это же Касаткина. Ну да, внучка того самого... И тоже вирусолог-инфекционист, представьте себе. Ну, конечно, династия. И связи, само собой. Не удивлюсь,

если через пару лет возглавит отделение, а там и до кресла зама по науке рукой подать».

Когда Валентина сказала родителям, что поступила в «Буманку» на «Гравицапу», дома случилось маленькое цунами в купе с тайфуном, а бабушка Надя даже заплакала – наверное, первый раз в жизни. Валентине было очень стыдно, но иначе она не могла. Конечно, в двадцать семь лет разворачивать свою жизнь на сто восемьдесят градусов – это, мягко говоря, некомфортно, но...

– Я приняла решение и прошу отнестись к нему с уважением, – сказала Валентина домашним по окончании цунами.

Отец в ответ развёл руками, а мама горько улыбнулась:

– Можно подумать, у нас есть выбор...

Работа, связанная с гравитацией, была одной из самых новых и экзотических профессий в Солсисе. После того, как человечество разобралось с последствиями эпидемии «коронки», на базе разработок Серла, Минато и Флойда в тридцатых годах на «Энергомаше» создали рабочий прототип первого магнито-гравитационного двигателя МГД-2С. Вот тогда-то человечеству и пришлось пересмотреть основные принципы передвижения в пространстве за пределами земной атмосферы.

Эпоха торжества и величия химических ракет закончилась. Отныне их уделом стал лишь вывод грузов на орбиту и атмосферные полёты. А к другим планетам людей и автоматические станции понесла гравитационная энергия. Ис-

пользующим её двигателям не требовались топливные баки, окислители и прочие привычные для поколений космических исследователей вещи. Только гравитация, загадочная, невидимая и могучая, как джинн из сказки. Гравитационные поля планет и астероидов превратились в своеобразные «подкидные доски» или «пращи», которые подхватывали аппараты с МГД, раскручивали их на дальних орбитах и «выстреливали» дальше, к точке назначения. А гравитационный двигатель увеличивал скорость в десятки, в сотни, а иногда и в тысячи раз, превращая миллионы километров в тысячи и даже сотни.

Когда космический аппарат подходил к какому-нибудь Сатурну или Урану, грависиноптик выдавала прогноз активности гравитационного поля планеты и указывал зоны максимальной мощности, через которые кораблю необходимо было пройти, чтобы получить необходимое ускорение. СМС № 14 должна была со временем превратиться в заурядный «ПЭГэКа», то бишь Пункт Гравитационного Контроля, а Валентина – в штатного грависиноптика, обслуживающего этот участок трассы. Это называлось «сидеть на гравитационной праше».

Именно такая гравитационная праща, как вычислила бабушка Надя, и забросила однажды очень много лет назад на Землю кусок камня с чужой органикой. Случилось это необозримо давно где-то в Китае, которого тогда еще не существовало. Скорее всего, речь шла о каменном метеори-

те или так называемом ахондрите, выбитом с поверхности некоего безвестного астероида ударом куда более крупного метеорита. Или кусочек пролетавшей мимо Земли кометы оказался притянут гравитационным полем нашей планеты и устремился к её поверхности.

Так или иначе, но роковым для человечества оказалось наличие в трещинках и микроскопических порах метеорита нуклеиновых кислот и белков, из которых при определённых обстоятельствах вполне можно было собрать одноцепочечный РНК вируса. Это и произошло, когда на космического гостя попали земные бактерии, давшие ему питательную среду.

Как считала бабушка Надя, метеорит долгое время пролежал где-то в изолированной биосистеме, например, в пещере, и возникший на его поверхности вирус тысячелетия паразитировал на ограниченном количестве носителей – на летучих мышах или пещерных сверчках. Носители вируса, скорее всего, даже не замечали каких-то изменений в своей и без того короткой и не отличающейся разнообразием событий жизни – развитие болезни в их организмах проходило бессимптомно.

Но, постоянно мутируя, за эти самые тысячелетия вирус наконец «подобрал» ту комбинацию РНК, тот геном, который оказался мегапаразитом, супер-вирусом, способным на экспансию. Джинн вырвался на свободу, и началась печально знаменитая пандемия «коронки», вошедшая в историю как

«Большая встряска» или «Холодный ветер».

На самом деле досконально не было известно, сформировался ли зловредный вирус на Земле из «строительных материалов», доставленных метеоритом или прибыл к нам уже в готовом виде – бабушка Надя всегда подчёркивала этот момент. Но, так или иначе, пандемия разразилась и карточный домик «глобального человечества», кое-как выстроенный к тому моменту, с печальным шуршанием осыпался.

Бабушка Надя, когда рассказывала об этом, доставала из ящика стола тканевую маску с нарисованным смайлом, надевала так, что оставались видны только добрые, близорукие глаза, сажала пятилетнюю Валентину на колени и говорила «строгим голосом»:

– «Граждане, запомните: коронавирус – это респираторный вирус. Он передаётся в основном воздушно-капельным путем. В процессе дыхания человек вдыхает капли, выделяемые из дыхательных путей больного. Например, при кашле или чихании, а также капли слюны или выделения из носа. Также коронавирус может распространяться, когда больной касается любой загрязнённой поверхности, например дверной ручки. В этом случае заражение происходит при касании рта, носа или глаз грязными руками. Основными симптомами „Ковид-19“ являются: повышенная температура; чихание; кашель; затруднённое дыхание; повышенная утомляемость; озноб; бледность; заложенность носа; боль в горле и мышцах; ощущение тяжести в грудной клетке».

– Мама! – укоризненно говорила бабушке Наде мама Валентины. – Ну всё, хватит! Напугаешь ребенка, она потом спать не будет с коронавирусом этим твоим.

Валентина смеялась, бабушка смеялась вместе с ней, а потом они играли в «пандемию» – бабушка накидывала на себя мохнатую шаль, надевала на голову шапочку для купания с резиновыми цветочками и изображала коронавирус, а маленькая Валентина в белом комбинезоне и папиной маске для подводного плавания была молодой бабушкой и опрыскивала вирус из пульверизатора дезинфицирующей жидкостью. Вирус страшно завывал и смешно охал, эстетично подыхая в конвульсиях посреди гостиной – бабушка в молодости занималась художественной гимнастикой и всё умела делать очень изящно, даже изображать умирающий вирус.

И только когда Валентина подросла и классе в седьмом ознакомилась с реальной историей борьбы с «коронкой», она поняла, как ужасно и трагично всё было на самом деле. Сухие цифры, графики и диаграммы мелькали на экране, а Валентине виделись бесконечные вереницы «Скорых» на узких улочках европейских городов, запруженные спецмашинами авеню Нью-Йорка, братские могилы на окраинах, забитые умирающими госпитали и больницы Италии, и апофеозом всему – ровные ряды трупов в чёрных пластиковых мешках, выложенные на льду катка в мадридском торгово-развлекательном центре «Palacio de Hielo».

Из своего уже бесконечно далёкого от тех событий вре-

мени Валентина, конечно, не могла прочувствовать тех эмоций, что охватили людей на всех континентах, но когда она смотрела интервью и новостные программы полувековой давности, читала статьи, блоги и комментарии под постами в мемориальной зоне соцсетей, ей становилось не просто неудобно – жутко, словно в её детскую с зелеными обоями, мода на которые вернулась не так давно, заглянул кто-то без лица, какое-то злобное существо из мрачных космических бездн.

Видя такой интерес Валентины к истории пандемии коронавируса, бабушка тихонько радовалась – династия будет продолжена! – но мама скептически качала головой, а Валентинин папа так и вообще однажды сказал: «Ну что она, каторжанка, что ли? Девять врачей на три поколения – по моему, достаточно».

Может быть, именно в этот момент Валентина и решила, что уйдёт из медицины. Решила, ещё не став медиком. И где-то в заветном уголке её памяти папина фраза про «достаточно» жила и ждала момента. Ждала, когда Валентина с первого раза блестяще сдала вступительные экзамены и поступила в «Сеченовку», ждала, когда она на первом курсе ловила падающих в обмороки в прозекторской однокашников, ждала, когда проходила практику в монгольских степях, ждала, когда она участвовала в обеззараживании бывшего английского центра по производству бактериологического оружия «CBRN» возле Портон-Дауна, что под Солсбери...

Все старшие родственники Валентины – прабабушки, прадедушки, дедушка Иван, которого Валентина не застала, бабушка Надя, мама и папа – были врачами, причём дедушка Иван, бабушка Надя и мама – микробиологами-вирусологами, а папа – инфекционистом. И как бы сам медицинский бог Асклепий велел Валентине идти по стопам предков, а бабушка Надя так и прямо подталкивала внучку:

– «*Aliis inserviando consumor*²», – это, пожалуй, самый благородный девиз из всех, придуманных людьми, – говорила она. – Твой дедушка...

Тут бабушка всегда отворачивалась, потому что начинала плакать. Говорить про дедушку Ивана без слёз она не могла.

Познакомились бабушка с дедушкой в Новосибирске, во время стажировки после пятого курса.

– Он был такой... очень серьёзный и носил очки. Тогда вдруг стало модно ходить в очках, – вспоминала бабушка. – У нас был вечер знакомства в холле гостиницы – нас со всей России приехало почти шестьдесят человек, ну и устроили такой аляфуршетик типа междусобойчик. «Пати с афтерпати», да. Помню, Гречка играла в колонках, Оксимирон и этот... как его, бишь, дьявола? В наколках весь, из Уфы... А, вспомнила – Моргенштерн, да. Ну и мы расслабились, конечно. Танцы, приколы... Сразу стало ясно, кто заводила, кто тихоня, кто интроверт, кто озабочен, ну и вообще вот

² «Служа другим, расточаю себя», или, в более поэтическом варианте, «Света другим, сгораю сам» (лат.)

это вот всё. А твой дедушка... Он просто ушёл оттуда.

– Куда ушёл?

– На улицу. И сел с ноутбуком на скамейке. И когда мы вышли покури... подышать свежим воздухом на крыльцо, я вижу – сидит парень и работает. Мы там брятик пьём, веселимся, танцуем, а он работает. Я решила, что это какой-то ботаник, подошла, отпустила... колкость, как девушке положено, уже и не помню, зачем и какую, а он мне ответил: «Я на всех посмотрел, все понял, дальше это бессмысленно». «И что же ты понял?», – спрашиваю. «Ты – самая красивая тут», – отвечает, не отрываясь от монитора. Я просто опешила. Стою, в голове звенит, ноги ватные. «Тогда пойдём танцевать», – говорю. А он: «Нет. Сядь. Смартфон с собой? Посмотри статистику по вакцинации от свиного гриппа серотипа А и всех штаммов в США и Германии за последние десять лет. Продиктуй мне цифры».

– И что ты сделала? – спросила Валентина.

Бабушка в этом месте своего рассказа обычно тихонько смеялась.

– Что, что... Я же самая красивая! Села, естественно, рядом, нашла статистику и начала диктовать. Так и познакомились.

Бабушка у Валентины на самом деле была крутая, она в молодости даже общалась с профессором Викрамасингхом, главным столпом теории панспермии, который первым выдвинул идею о внеземном происхождении коронавируса, но

ошибся с методикой заражения.

А дедушка Иван доказал, что главная проблема не в высокой вирулентности вируса, а в его невероятной изменчивости. И что нужно не пытаться закрыться от вируса, это всё равно не сработает, эпидемия продолжится, когда самоизолянты выйдут из заточения, а наоборот, подстегнуть вирус, но ослабить его, искусственно управляя его мутациями.

Днём он вместе с бабушкой работал в больнице, спасая людей, а по ночам создавал препарат, который должен был стать «вирусом для вируса».

Дедушка Иван запрограммировал в нём алгоритм возврата генома вируса к исходному состоянию – тогда болезнь протекает фактически бессимптомно, и организм-носитель, будь то человек или животное, не страдает. Для исследований требовался биоматериал, белок – и дедушка использовал свою кровь, ночью в лаборатории раз за разом запуская механизмы воспроизведения вируса.

– Это был период, когда все страны закрыли границы, посадили граждан на жёсткий карантин и мировая экономика остановилась. Никто не знал, что делать. Люди умирали сотнями, тысячами. В России ситуация выглядела намного лучше, чем в Италии или Америке, российская система здравоохранения оказалась лучше подготовлена к эпидемии, но все понимали – если что-то не изменить, мы пойдём тем же путём. И тут твой дедушка предлагает метод остановки пандемии – под видом тестов искусственно внедрить в организмы

людей придуманный им «вирус для вируса», – рассказывала бабушка Надя.

– И что было потом?

– Ему, конечно, никто не поверил. И тогда твой дедушка продемонстрировал, как действует его препарат, та самая «вакцина Касаткина», на себе. Он отправился в больницу к больным коронавирусом, выделил вирус из их мокроты, заразил себя, а потом принял «вирус для вируса».

– И вылечился?

– И вылечился, да...

Бабушка снова начинала вытирать слезящиеся глаза и отворачиваться. Валентина знала, почему. Дедушка Иван погиб. Его ослабленный от кровопотери организм победил вирус, а вот запаса жизненных сил на то, чтобы жить дальше, уже не хватило. Он умер во сне, просто перестал дышать.

Но дедушка сумел доказать всем, что лекарство от вируса есть, и в России очень быстро победили болезнь. Жители страны стали словно бы невидимы для вируса, и везде отменили карантин, заработали предприятия, школы и детские садики, жизнь вошла в нормальную колею. Но счастья в одной, отдельно взятой стране, построить нельзя. Нужно было спасти человечество, медленно, но верно погружавшееся в пучину пандемического апокалипсиса. Дошло до того, что команда американского атомного авианосца, на борту которого были десятки заражённых, потребовала срочной эвакуации, а получив отказ, пригрозила ядрёным ударом по сто-

лице США.

Всему на свете приходит конец. Самолёты МЧС и Военно-космических сил России повезли миллионы ампул с «вакциной Касаткина» во все страны мира. Вирус заразил сам себя, мутировал в безвредное состояние и перестал быть опасен.

В тот период сильно упала цена на нефть, и в этих реалиях России пришлось переходить на новую модель экономики, не связанную с продажей энергоносителей и ориентированную на внутренний рынок. Страну спасло то, что в тот момент уже очень многое было сделано для того, чтобы принцип, что «добудем что-то и продадим за границу» окончательно ушёл в прошлое. Запущенные властями за несколько лет до эпидемии программы по диверсификации экономики и цифровизации страны дали свой результат. Валентина помнила совершенно непонятную ей строчку из учебника истории, звучащую как заклинание: «Перегретые первичный и третичный сектора экономики перераспределили финансовые потоки в сферы высоких технологий и IT-кластер».

А дедушке Ивану поставили памятник перед зданием медицинского центра, где он работал. Валентина видела его много раз – красивый, из тёмной бронзы. На постаменте был высечен тот самый девиз: «Aliis inserviando consumor». И дата: 2020. Год, когда человечество сумело одолеть большую беду.

Конечно, когда Валентина ушла из профессии, бабушка

Надя очень расстроилась, но в итоге повздыхала и согласилась с папиным мнением про девять врачей на три поколения. Фамилия Касаткиных и так была вписана в историю медицины золотыми буквами.

– Пусть и в твоей грависиноптике будет так же, – сказала бабушка и благословила Валентину.

* * *

– Вася, – оторвавшись от экрана, окликнула хумаса Валентина, – мне необходима полная информация по «Объекту 19-11» и ситуации с заражением персонала станции.

– Прошу прощения... – вкрадчиво начал хумас, – но меня зовут Вася Петрович, и я...

– Оставить! – рявкнула Валентина и зашипела, как разъярённая кошка. Не ожидавший этого хумас даже отъехал на метр, недоумённо моргая лице-экраном. – Отныне ты – просто Вася! Это приказ! Петровича ещё заслужить надо. Быстро мне всю информацию. Это тоже приказ!

– Слушаюсь, хотя и не согласен, – проквакал хумас.

– Так, теперь медотсек, – обратилась Валентина к исину. – Подготовить клинию для экстренного больного. Отсек – на дезинфекцию и полную изоляцию. Мне – комплект биозащиты. Выполнять!

– Информация готова, – сообщил бывший Вася Петрович, а теперь просто Вася. – Я смонтировал её в виде аудио-ро-

лика...

– Хватит болтать! – оборвала хумаса Валентина. Она направилась в полупрозрачную биокабину, по которой уже скользили синие лучи дезинфектора, на ходу снимая комбинезон. – Начинай! И отвернись...

* * *

Как выяснилось из ролика, «Объектом 19-11» именовался запущенный летом 2020 года одной из частных космических компаний США межпланетный исследовательский зонд, предназначенный для биосканирования спутников планет-гигантов. Старт миссии состоялся, несмотря на глобальный кризис, вызванный «коронкой», и во многом благодаря тому, что всё было готово к запуску ещё в апреле, и его просто откладывали, ожидая выздоровления персонала стартового комплекса.

Видимо, из-за неразберихи, творившейся тогда во всех штатах США, к работе над проектом были допущены либо до конца не вылечившиеся, либо болеющие, но переносящие коронавирус бессимптомно сотрудники миссии. Таким образом «Ковид-19» оказался на борту «Объекта 19-11», в биомодуле, предназначенном для инопланетных вирусов и бактерий, если таковые будут обнаружены.

Принцип работы этого модуля «Объекта 19-11» был прост, как всё гениальное. Снижаясь над поверхностью пла-

нетоида, он сбрасывал вниз капсулу с взрывчатым веществом. Выбитые взрывом частицы грунта захватывались специальными улавливателями и помещались в питательную среду. Если в этой среде начиналась какая-то активность, на Землю следовал отчёт об обнаружении внеземной формы жизни.

Аппарат благополучно стартовал, вышел на заданную траекторию полёта, в свой черёд добрался до орбиты Сатурна, произвёл необходимые исследования над поверхностью Реи, Титана и Тетиса, затем посетил Уран и поработал с Обероном и Титанией, а вот на орбите Нептуна что-то пошло не так, и «Объект 19-11», видимо, слишком низко опустившись над поверхностью Тритона, в итоге врезался в рыхлый метановый лёд и остался здесь навечно.

Остался, чтобы спустя полвека с лишним быть обнаруженным парнями с исследовательской станции «Тритон-5». В ходе осмотра «Объекта 19-11» было выяснено, что исследовательский модуль сохранился в герметичном состоянии и для дальнейшего изучения его перенесли на станцию. Поскольку никакой биоактивности модуль не показывал, его вскрыли и разобрали с минимальными мерами предосторожности. Никто и представить не мог, что «Ковид-19» прекрасно перенёс и космический перелёт, и многолетнее заточение, ставшее для него чем-то вроде анабиоза.

По закону подлости, первые симптомы заболевания проявились у персонала в день, когда Тритон накрыло магнит-

ной бурей, и связь с центром, другими станциями и Землёй пропала. А затем в течение нескольких суток произошло то, что и должно было произойти – у всех подскочила температура, начался сильный кашель, и появились проблемы с дыханием.

В медотсеке станции, естественно, отсутствовала «вакцина Касаткина», как отсутствовали там лекарства от чумы, оспы или малярии. Когда близнецы Олег и Игорь начали задыхаться, а Август Хоел уже не мог самостоятельно передвигаться, начальник станции Панкратов принял единственно возможное решение – продезинфицировать станцию, всему персоналу отправиться в гибернацию с надеждой, что магнитная буря продлится недолго, а невыход на связь привлечёт внимание соседей по «выселкам» и центра на Земле.

Валентина, облачившись в костюм биозащиты, вышла из камеры дезинфектора как раз в тот момент, когда хумас Вася заканчивал своё повествование:

– В режиме гибернации все системы человеческого организма работают с замедлением в несколько раз. Это позволяет затормозить развитие вируса, однако он всё равно продолжает свою разрушительную работу и по полученным от исина медотсека данным, через двадцать один час весь персонал станции погибнет, не выходя из гибернации.

– Ты почему мне сразу об этом не сказал? – бросила Валентина на ходу, отправляясь к клинии.

– В меня не ввели новые данные, – виновато ответил Ва-

ся. – Я действовал согласно крайней прошивке – готовил каток и следил за состоянием магнитосферы.

Валентина только вздохнула, услышав это дурацкое «крайней» – тоже мне, космолётчик нашёлся! – и легла в мягкие объятия клинии.

– Исин, – скомандовала она, – забор крови, левая рука, вена, сто миллилитров...

* * *

Почему-то в этот момент Валентина вдруг представила блок № 7, где был залит каток. Над гладкой, чуть матовой поверхностью льда висело едва заметное облачко морозного пара, хумас Вася, вновь ставший Петровичем, выведя на торсовый экран черно-белые полосы, сымитировал звук судейского свистка, и на лёд выкатились улыбающиеся Фаргус, братья Олег и Игорь, Гонестий занял место в одних воротах, в другие встал начальник станции Панкратов...

Началась трансляция и миллионы зрителей по всему Солсису припали к экранам.

– Первый космический хоккейный матч объявляется открытым! – неумело сформулировал Август Хоел, Вася Петрович бросил шайбу на лёд. Ключки с характерным стуком скрестились и заиграла песня.

Это была очень старая песня, Валентина слышал её всего несколько раз, и помнила только мелодию и припев:

Суровый бой ведёт ледовая дружина.

Мы верим мужеству отчаянных парней.

В хоккей играют настоящие мужчины!

Трус не играет в хоккей!

Трус не играет в хоккей!

– Трус не играет в хоккей, – прошептала Валентина и поняла, насколько она ослабла – вместо шёпота у неё получился лишь слабый шелест.

С момента первой попытки создать «вирус для вируса» прошло чуть больше девяти часов. Валентина использовала в качестве исходного штамма вирус, сохранившийся в биомодуле «Объекта 19-11». По счастливой случайности аппаратура медотсека станции «Тритон-5» была не самых последних образцов, и Валентина имела опыт работы с этими моделями биосинтезатора, электронного микроскопа и прочих мудрёных приборов. Раз за разом она запускала процессы ускоренной мутации вируса, и раз за разом терпела неудачу. Неудача – это было нормально, Валентина не сомневалась, что добьётся результата, но у неё было два очень важных ограничивающих момента: время и кровь. И того, и другого было катастрофически мало. В очередной раз получая на экране данные о новом, но опять не том, штамме вируса, она не знала, что закончится раньше и молила всех чёртовых демонов Оорта отвернуться от Тритона и дать ей возможность спасти этих весёлых ребят, умирающих в гибернационных капсулах.

Наверное, Валентине – и всем тем, кто лежал в «Отсеке А» – повезло. А может быть, помогла генетическая память, которой не существует. Но, так или иначе, на сорок седьмой минуте десятого часа с начала опытов Валентина получила нужный результат. От слабости она не могла даже поднять руку, чтобы поправить сбившуюся набок маску. Очень хотелось соскользнуть в спасительное забытие, но Валентина помнила, что сделано только полдела.

Собрав остатки сил, она сказала, стараясь говорить как можно четче:

– Внимание! Исин, подготовить семь инъекторов с порциями препарата. Хумас... Вася, провести вскрытие «Отсека А» и вакцинировать весь персонал. Немедленно! Это приказ, код «Голем-один»!

– Выполняю! – хумас на этот раз отозвался не своим комедийно-квакающим голосом, а базовой вербальной оболочкой, лишённой эмоций.

«Значит, код „Голем-один“ сработал, он всё сделает», – с облегчением подумала Валентина и закрыла глаза. В голове вертелось по кругу: «Трус не играет в хоккей! Трус не играет в хоккей!»

«А ведь я струсил, – вдруг поняла Валентина. – Когда бросила институт, ушла из медицины. Я испугалась, что всю жизнь прохожу в белом халате, всю жизнь проторчу над окулярами микроскопа... Мне хотелось романтики... Господи, какая дурь лезет в голову. Ну, что там этот Вася Петрович,

долго он будет возиться?»

Ответа на этот вопрос Валентина так и не получила – потеряла сознание...

© *Сергей Волков, 10.04.2020*

*Владимирская область, Киржачский район, поселок
«Звездный», режим самоизоляции.*